

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. БАХТИНА КАК ПРЕДМЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ

УДК 8.82

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-50-57>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Аннотация. Основой данной статьи является раскрытие вопроса о вкладе Михаила Бахтина в постижение культуры как целостного явления и многомерного «метатекста». В статье акцентируется внимание на том, что проблематика культуры рассматривалась М. М. Бахтиным в сопряженности онтологического, эстетического и аксиологического подходов с экзистенциально-антропологическим аспектом многовекового опыта познания и авторского отражения картины мира и концепции человека. Благодаря такой сопряженности М. М. Бахтин создал концепции диалога культур, «смеховой» культуры, а также поставил комплекс вопросов, касающихся карнавальности как социокультурной традиции. Кроме того, культурологический потенциал научного наследия Бахтина обусловлен, по мнению автора статьи, глубокой разработкой проблемы индивидуального творчества через призму «философии поступка». Отмеченные моменты «приращения» культурологического знания неотделимы от инновационного подхода М. М. Бахтина к методологии гуманитарных наук в целом, в том числе и к категориально-понятийному аспекту исследовательской деятельности. С учетом эвристичности бахтинской терминологии в статье представлены те элементы концептосферы оригинального мыслителя, которые способствуют – в качестве специфического фактора – углубленному пониманию «диалогической природы» культуры как «открытого единства» (Бахтин) и сферы творческой актуализации личности Автора текста (научного или художественного).

Ключевые слова: М. М. Бахтин, культура как метатекст и «открытое единство», «большое время», субъектный аспект феномена культурного многообразия, концептосфера, народная культура, карнавализация, «гуманитарное мышление», «диалогическая природа культуры», полилог.

Для цитирования: Шибаева М. М. Культурологический потенциал научного наследия М. М. Бахтина как предмет осмысления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №1 (123). С. 50–57. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-50-57>

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, кафедра культурологии, факультет культурной политики, Московский государственный институт культуры

SHIBAEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, CSc in Pedagogy, Professor, Department of Cultural Studies, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

© Шибаева М. М., 2025

THE CULTURAL POTENTIAL OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF M. M. BAKHTIN AS A SUBJECT OF REFLECTION

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: skyday.vm@yandex.ru

Abstract. The basis of this article is to reveal the issue of Mikhail Bakhtin's contribution to the comprehension of culture as a holistic phenomenon and a multidimensional "metatext". The article focuses on the fact that the problems of culture were considered by M.M. Bakhtin in conjunction with the ontological, aesthetic and axiological approaches with the existential-anthropological aspect of the centuries-old experience of cognition and the author's reflection of the picture of the world and the concept of human. Thanks to this conjugation, M.M. Bakhtin created the concepts of a dialogue of cultures, a "laughter" culture, as well as a set of issues related to carnival as a socio-cultural tradition. In addition, the culturological potential of Bakhtin's scientific heritage is conditioned, according to the author of the article, by the deep development of the problem of individual creativity through the prism of the "philosophy of the act". The noted moments of "increase" in culturological knowledge are inseparable from the innovative approach of M.M. Bakhtin to the methodology of the humanities in general, including the categorical-conceptual aspect of research activity. Taking into account the heuristic nature of Bakhtin's terminology, the article presents those elements of the conceptual sphere of the original thinker that contribute as a specific factor to a deeper understanding of the "dialogical nature" of culture as an "open unity" (Bakhtin) and the sphere of creative actualization of the personality of the Author of the text (scientific or artistic).

Keywords: M. M. Bakhtin, culture as a metatext and "open unity", "big time"; subjective aspect of the phenomenon of cultural diversity, conceptual sphere, folk culture, carnivalization, "humanitarian thinking", "dialogical nature of culture", polylogue

For citation: Shibaeva M. M. The cultural potential of the scientific heritage of M. M. Bakhtin as a subject of reflection. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 1 (123), pp. 50–57. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-50-57>

В руках Бахтина эстетика и искусство, наука и культура, теория и жизнь впервые оглянулись на взаимные культуротворческие возможности
К. Г. Исупов

Все размышления Бахтина имеют единый смысл (идею). Этот смысл – культура
В. С. Библер

Мое слово останется в продолжающемся диалоге, где оно будет отвечено, услышано и переосмыслено
М. М. Бахтин

В реалиях активизации исследовательского интереса к гуманитарному «полю проблем» все более очевидной становится тенденция плодотворного развития культурологического направления. Как известно, с конца

XIX века и по наши дни данная тенденция, по-разному обнаруживая себя, формировалась в отечественной и зарубежной гуманистике. Так, по справедливому суждению Л. Н. Воеводиной, «в отечественной тради-

ции развитие культурологии было связано не столько с развитием этнографии, сколько с общественными и гуманитарными науками, прежде всего с философией, историей, литературоведением, искусствознанием» [8, с. 29]. Отсюда разные приоритеты в предметной области культурологии: если за рубежом, как правило, доминировала установка на изучение и анализ культурной повседневности, на выявление эмпирических параметров образа жизни и массового сознания, то для предметной области отечественной культурологии характерно обостренное внимание к задачам постижения «смыслового (диалектического) и диалогического взаимодействия текстов» [6, с. 476]. В этой связи стоит обратиться к вопросу о культурологической значимости ключевых идей и концептов Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) – оригинального мыслителя, труды которого получили признание в научном мире как в нашей стране, так и за ее пределами. То обстоятельство, что в последние десятилетия видное место в пространстве гуманитарного мышления занимает рецепция интеллектуально-творческого наследия М. М. Бахтина, подтверждается не только в кумулятивном, но и в эвристическом отношении. О неослабевающем интересе к содержательно-стилистическому своеобразию его наследия свидетельствует как систематическое переиздание трудов ученого, так и число международных конференций, семинаров и круглых столов, посвященных личности и научным изысканиям М. М. Бахтина: их ценностно-смысловой контекст и тональность пронизаны мотивами признания его существенного вклада в «новое обоснование культуры».

Отсюда, думается, целесообразность «вживания – вчувствования»¹ в содержательные пласти бахтинского наследия, каждая из граней которого в той или иной мере со-

¹ Такое определение процесса «встречи» автор и реципиента культурного текста любого жанра и типа связано с именами Вильгельма Дильтея и Михаила Бахтина.

относится с культурологическим «полем проблем» теоретического, историософского и экзистенциально-антропологического характера. При этом важно иметь в виду, что сам М. М. Бахтин объяснял сущность своего подхода к предмету рефлексии как *методологию «гуманитарного мышления»*. Эвристический потенциал данной методологии проявляется не только в филологической и герменевтической сферах гуманитарного знания, но и в культурологической. По справедливому утверждению В. С. Библера (одного из самых авторитетных исследователей бахтинского наследия), «... о чем бы ни писал М. М. Бахтин, – о поэтике романов Достоевского, или о творчестве Франсуа Рабле, или – о романе Воспитания, он – одновременно – воспроизвождал некое культурное действие (событие), некий особый социум культуры...» [7, с. 78]. Такого рода умозаключение автора монографии «Михаил Бахтин, или Поэтика культуры» подтверждается контекстом и неповторимой стилистикой всего бахтинского наследия. В связи с этим стоит отметить, что ученый придавал литературным произведениям статус культурного текста, который «имеет субъекта, автора» [6, с. 474]. Причем в интерпретации М. М. Бахтина автор предстает не только как создатель уникальных текстов, которые «разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени» [5, с. 504], но и как человек культуры².

Исходя из убежденности в том, что «предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее бытие*», которое «неисчерпаемо в своем смысле и значении» [3, с. 516], Михаил Бахтин рассматривал сферу словесного творчества не только в филологическом, но и в культурфилософском дискурсе. Характерная для бахтинского мышления сопряженность обоих дискурсов проявляется в определении культуры как метатекста.

² Развернутое пояснение этого словосочетания, неотделимого от проблематики субъекта познавательно-кreatивных процессов, дано в моей статье «Человек культуры как ценностно-смысловая и творческая явленность Имени» [14, с. 30–38].

По сути в оптике бахтинских размышлений авторский опыт интеллектуального или образного отражения неисчерпаемости многомерного бытия и его «ценностных моментов» предстает в качестве своеобразного катализатора мировоззренческих исканий, вписанных в смысловое пространство культурно-исторической эпохи. В свете этого примечателен один из ответов М. М. Бахтина на вопросы редакции журнала «Новый мир». Утверждая, что «литературоведение должно установить более тесную связь с историей культуры», он подчеркнул, что литература является «неотрывной частью культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи» [4, с. 502]

Как видно из «знаковых» публикаций Бахтина, он трактовал динамичную и многогранную систему культуры в двух планах: как «*метатекст*», интегрирующий множественность авторских высказываний в адрес различных проблем жизнедеятельности общества и личности, и как *онтологическое явление*, обладающее всеми признаками «открытого единства». Примечательно в этой связи, что, разделяя ряд идей ведущих представителей философии жизни (Вильгельма Дильтея, Георга Зиммеля и Освальда Шпенглера), Михаил Бахтин отвергал, тем не менее, их взгляд на культуру как самодостаточную, замкнутую на себе систему смыслов и значений. В частности, в своем интервью редакции журнала «Новый мир», он объяснил свое несогласие с представлением Шпенглера о культуре эпохи как о «замкнутом круге»³ тем, что «единство определенной культуры – это *открытое единство*» [4, с. 506] в силу «диалогической природы культуры».

Отсюда и одна из ключевых идей в культурфилософской рефлексии М. М. Бахтина: «Самосознание культуры есть форма ее бытия на границе с иной культурой» [3, с. 521],

³ Общеизвестно, что задолго до автора «Заката Европы» идея «непроницаемости» культурно – исторического типа была введена в смысловое пространство гуманитарных наук русским ученым Н. Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа».

вследствие чего возникает модальность межкультурных контактов и «встреч разных сознаний». Рефлексия Бахтина над событийно-ценностной сущностью такой встречи – еще одна грань его многомерного наследия. Придавая важное и плодотворное значение встречам «разных сознаний», М. М. Бахтин раскрыл, по сути, аксиологические, гносеологические и этические факторы *диалога культур*. Модальность продуктивной встречи разных типов культур Бахтин связывал прежде всего с этикой восприятия и оценки текстов, созданных в предшествующие эпохи. Как заметил М. Л. Гаспаров, у Бахтина «пафос диалога» исполнен «активного отношения к наследию» [9, с. 34]. Справедливость данного суждения трудно оспорить в свете бахтинской идеи содержательного диалога контекста «Большого времени» с контекстом «малого времени» создания «знаковых» текстов, рожденных в социокультурных реалиях биографического времени Автора. Наряду с этим заметное место в учении Бахтина о диалоге культур занимают актуальные вопросы межкультурного общения в контексте реальных процессов. Придавая большое значение диалогу национальных культур, мыслитель подчеркивал познавательную ценность процесса «встречного движения» их друг к другу. Свидетельство тому – следующее умозаключение Бахтина: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [4, с. 508]. Важно иметь в виду и то, что в бахтинском учении о диалоге культур акцентируется взаимообусловленность содержательно-стилистических аспектов «встречного движения» национальных культур. Продуктивность сопряжения этих граней межкультурного общения в значительной степени зависит, по мнению М. М. Бахтина, от глубины понимания исторических и ментальных особенностей «своей» и «чужой» культуры.

Думается в этой связи, что вклад Бахтина в расширение культурологической сферы гуманитарного знания проявляется в раз-

работке проблемы понимания культурного наследия и актуальной культуры. Инновационный характер бахтинского опыта осмыслиения культуры как метатекста посредством метода «диалогической герменевтики» дали основание для признания Михаила Бахтина «скульптором новых архитектоник понимания и описания» [11, с. 8].

Культурологическую значимость данного метода трудно переоценить, во-первых, с точки зрения гносеологического потенциала интерпретации «знаковых» текстов различного типа и жанра; во-вторых, – в плане модальности постижения гуманитарно-творческой сущности культуры как «открытого единства»; в-третьих, – в ракурсе сопряжения текстуального фонда социума с личностным фактором его обновления и обогащения. Стоит также отметить, что М. М. Бахтин, используя метод «диалогической герменевтики», уделил особое внимание вопросу о «встрече двух текстов – готового и создаваемого, реагирующего текста, следовательно, встрече двух субъектов» [6, с. 477]. Имея в виду проблемный характер такого рода встречи, М. М. Бахтин ввел в свою концепцию диалога культур такие понятия, как «далекие контексты» и « дальний собеседник».

Установка Михаила Бахтина на концептуализацию собственной позиции относительно творческой энергетики «открытого единства» культуры и экзистенциально-антропологического фактора ее развития мотивировала на терминологическое обновление гуманитарного мышления. Смысло-вая ёмкость бахтинской рефлексии и особый стиль аргументации нуждались в преодолении устоявшихся стереотипов вербализации исследовательской позиции. Стремление ученого к терминологическому «преодолению» сложившихся стереотипов восприятия и односторонней оценки культурных трансформаций обусловило наличие в ценностно-смысловом пространстве научного наследия Бахтина разработанной им авторской концептосфера. В свете этого уместно напомнить о том, что в статусе научного понятия термин

«концептосфера» был впервые использован в отечественной гуманитаристике Д. С. Лихачевым, утверждавшим, что «главное богатство русского языка лежит на уровне концептов и концептосферы» [12, с. 162]. Справедливость данного суждения подтверждается полисемантикой бахтинских концептов и оригинальных лексических построений, активизирующих исследовательский поиск в сфере современной культурологии. Неслучайно в оценке автора «Русской думы» М. М. Бахтин характеризуется как «Серафим Саровский Культуры в лесах Слова» [10, с. 147].

Действительно, интеллектуальная энергетика научных изысканий Михаила Бахтина проявляется в их рефлексивно-терминологической оригинальности, или, говоря его же словами, в «единственной неповторимости». Думается в этой связи, что присущая «гуманитарному мышлению» Михаила Бахтина взаимообусловленность контекстуального подхода к объекту исследования и креативного отношения к вербализации авторской позиции является собой разновидность «дерзания духа» (А. Ф. Лосев).

Творческий подход Бахтина к терминологическому фактору концептуализации исследовательской позиции проявился в смысловом обогащении понятий, используемых в сферах, далеких от гуманитарной. Так, плодотворным результатом для развития гуманитарно-культурологической мысли стало введение ученым в пространство культурфилософской рефлексии таких понятий, как «хронотоп», «амбивалентность» и «полифония».

В частности, придавая дополнительный, а именно – гуманитарный – смысл такому термину русского физика Ухтомского, как «хронотоп», М. М. Бахтин не только трактовал его как темпорально-пространственную определенность каждой конкретной эпохи («малого времени», по его выражению), в реалиях которой были сотворены авторские тексты-высказывания, но и плодотворно спроектировал на проблематику культурных трансформаций в сопряжении прошлого, настоящего и будущего. В результате сфера культурологи-

ческого знания обогатилась концептом «хронотоп культуры». Трактуя культуру «не как сумму явлений, а как целостность» [3, с. 514], ученый конкретизировал свое понимание данной целостности через словосочетание «пространственно-временной континуум». Тем самым расширялись возможности для осмыслиения своеобразия культурного облика любой эпохи неотрывно от причинно-следственных аспектов трансформации культурных норм, ценностей и образцов.

Столь же продуктивно в проблемное пространство «наук о культуре» было введено Михаилом Бахтиным понятие «амбивалентность», восходящее к работам швейцарского психиатра Эйгена Блейлера. Гносеологическую ценность данного понятия применительно к методологии гуманитарных наук М. М. Бахтин усматривал в том, что амбивалентность означает разнообразие и сложность таких состояний и переживаний, которые не сводимы к «духу противоречия», а являются собой опыт «смешанных чувств» и ситуативных моментов «разномыслия». Отсюда убежденность М. М. Бахтина в том, что посредством понятия «амбивалентность» в значительной степени совершенствуется процесс понимания культурных текстов как авторских высказываний в адрес «ценностного плана бытия». Ввод Бахтиным в сферу гуманитарных наук понятия амбивалентности обогатил спектр возможностей контекстуального постижения культурологической проблематики. «В бахтинском смысле «амбивалентность», подчеркивал В. С. Библер, – это двойственность и внутренняя диалогичность» [7, с. 105].

Наиболее зримо гносеологический потенциал понятия «амбивалентность» был явлен в бахтинской концепции феномена карнавальности, неотделимого от смеховой традиции народной культуры. По Бахтину, смеховая традиция развивается в сопряжении народной повседневной культуры со «стихией жизни». На основе сопряжения основных параметров карнавальности с содержательно-стилистическими особенностями романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» М. М. Бахтин

раскрывал сущность карнавала как коллективного вызова нормативным ограничениям официальной культуры, то есть, по сути, как ответную реакцию масс на регламентацию коммуникативных и поведенческих моментов социальной жизни. Такой взгляд на природу и энергетику «народного смеха» активизировал исследовательский интерес к специфике и социально-психологическим аспектам массового творчества. Как отмечал в своей работе «Смех Панурга и философия культуры» Л. М. Баткин, бахтинское понимание сущности коллективного смеха «позволяет приблизиться к пониманию *массовой культуры*» [1, с. 400].

Расширению спектра гносеологических возможностей осмыслиения целостного контекста и качественных характеристик культуры как метатекста способствовало, на мой взгляд, и проецирование М. М. Бахтиным на сферы гуманитарных наук (первоначально – на филологию, а позднее на культурное «поле проблем») музыковедческого понятия «полифония». Как известно, явно инновационным «приращением» для отечественной и зарубежной филологии явилась разработанная на основе анализа творчества Ф. М. Достоевского и Франсуа Рабле полифоническая теория романа как многослойного диалогического пространства сопряжения Автора и героя. Придавая содержательно-смысловую значимость текстам как «событиям» в области словесного творчества, Михаил Бахтин впоследствии использовал понятие полифонизма и в своих размышлениях о культуре как ценностном фонде текстов. Согласно Бахтину, понятие полифонии означает «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [3, с. 520].

Приведенные примеры обновления смысловой емкости понятий, соотносимых с методологией постижения многогранной проблематики культуры, показывают, что М. М. Бахтин плодотворно реализовал свои интенции и интеллектуальную энергетику как *новатор* в сфере гуманитарных наук в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Потребность Михаила Бахтина в разработке собственной

терминологии объясняется его исходной гносеологической позицией. По утверждению В. Л. Махлина – одного из авторитетных интерпретаторов бахтинского наследия, – «... своеобразное место М. М. Бахтина в культуре XX в. – это место между «классической» традицией и «постклассическими» попытками преодолеть ограничения и предрассудки Нового времени, особенно идеал автономии (теории, природы, искусства, науки, культуры и т. п.)» [13, с. 24]. Действительно, энергетика бахтинских изысканий в необъятной сфере гуманитарного знания была направлена в каждой работе мыслителя на преодоление издержек дифференциации гуманитарного знания; через концепт «полифония» им утверждался принцип целостности предмета культурфилософской рефлексии.

Вовлечение М. М. Бахтиным в собственное пространство рефлексии понятий, характерных для иных научных дискурсов, активизировало творческий поиск ответов на ряд вопросов познавательно-творческого характера и способствовало обновлению и углублению методологии научных изысканий в сфере гуманитарного знания. Инновационный характер и концептосфера Бахтина, и его учения о «диалогической природе культуры», и о смеховом пласте этнокультурного опыта обескураживали приверженцев консервативных подходов к науке.

Ещё в большей мере новаторство «научного гения Бахтина» (Ю. М. Лотман) проявилось в разработке его собственных понятий – столь же многозначных, сколь и «единственных в своем роде». Установка Михаила Бахтина на концептуализацию собственной позиции относительно сущности культуры как «выразительного и говорящего бытия» мотивировала на преодоление языковых штампов презентации авторской мысли и однозначно триадических умозаключений и схематизма. Смысловая емкость и особая тональность бахтинских неологизмов и лексических построений – плод интеллектуального подвижничества в поиске ответов на вопросы культуротворческого и экзистенциального характера.

Через призму собственных концептов мыслителем был отрефлексирован и научно обоснован ряд значимых для развития теоретической и исторической культурологии пласта идей. С этой точки зрения уместно воспроизвести тот ряд авторских концептов М. М. Бахтина, благодаря которому стал возможным «прорыв» в контекст культурной динамики, с одной стороны, и в мотивационно-деятельные аспекты бытия человека как субъекта ценностных отношений и творческой деятельности, с другой.

Свидетельство тому – уникальный «фонд» сугубо авторских терминов Бахтина: «Большое и малое время»; «смыслоное единство мира»; «диалогическая природа культуры»; «карнавализация», «смеховая культура», «разноречие»; «архитектоника действительного мира, не мыслимого, а переживаемого», «гуманитарное мышление»; «монологизм» и «диалог»; «философия поступка», «ответственное поступление», «мотивационный контекст творчества» и «не – алиби – в бытии»; «моя причастная единственность»; «персоналистичность смысла»; «незавершаемость».

Погружение в контекст бахтинского наследия дает основание для выделения в авторской концептосфере мыслителя двух групп ключевых для него терминов и словосочетаний: вектор одной из них направлен на «целостный контекст всей культуры» [4, с. 502], а другой – на субъекта познавательно-творческого процесса и диалога культур, то есть на личностный фактор обогащения и обновления фонда культурных текстов различного вида и жанра. Равноценность обеих групп обусловлена тем, что каждая из составляющих бахтинской концептосферы способствует углублению понимания определенных явлений и проблем как культурологического, так и экзистенциально-аксиологического характера.

«Неповторимая единственность» Михаила Михайловича Бахтина, его «вдохновенный стиль и неустранимость концепций» [4, с. 401], подтверждаются также и уникальностью его взглядов на личностный фактор развития культуры, в пространстве которой формируется, циркулирует и трансформиру-

ется круг определенных смыслов и значений. Именно потому, что «текст для Бахтина был личностью» [11, с. 10]. Тема Автора культурного текста сопровождала мыслителя всю профессиональную жизнь. У М. М. Бахтина Авторское начало не сводилось исключительно к результатам индивидуального творчества, а рассматривалось через призму философии поступка. Сердцевину этого сег-

мента бахтинского наследия составляет рефлексия над этическими и экзистенциально-антропологическими факторами творчества в целом и процессами создания авторских текстов в частности. В трудах Бахтина о Достоевском и Рабле Автор предстает как особый тип субъекта, обновляющего своим творчеством ценностно-смысловое пространство, как «малое», так и «большое» время культуры.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Смех Панурга и философия культуры. Антология в двух томах. Изд-во русского Христианского института. Санкт-Петербург. 2001. Т. 1. С. 398–410.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 9–191.
3. Бахтин М. М. Заметки // Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература. 1986. С. 509–531.
4. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 7–9.
5. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира». // Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература. 1986. С. 501–508.
6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература. Москва: 1986. С. 473–500.
7. Библер В. С. Михаил Бахтин, или Поэтика культуры. Москва: Прогресс. 1991. 278 с.
8. Воеводина Л. Н. Философия культуры: проблемы и перспективы // Культура и образование. 2014. № 4 (15). С. 25–31.
9. Гаспаров М. Л. Бахтин в русской культуре XX века / Бахтин: pro et contra : Личность и творчество Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. В 2 томах. Изд-во русского Христианского института. Санкт-Петербург. 2001. Т. 2. С. 33–36.
10. Гачев Г. Д. Портреты русских мыслителей. Москва: Академический проект 2022. С. 141–160.
11. Исупов К. Г. Уроки Бахтина / Бахтин: pro et contra : Личность и творчество Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. В 2 томах. Изд-во русского Христианского института. Санкт-Петербург. 2001. Т. 1. С. 7–41.
12. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка. Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. 2006. С. 162–168.
13. Махлин В. Л. «Творящее сознание», или М. М. Бахтин между прошлым и будущим // Литературо-ведческий журнал. 2021 № 4 (54). С. 9–27.
14. Шибаева М. М. Человек культуры как ценностно-смысловая и творческая явленность Имени // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 30–38.

*

Поступила в редакцию 21.01.2025